

Александр Волков

Два брата

«ФТМ»

1938-1961

Волков А. М.

Два брата / А. М. Волков — «ФТМ», 1938-1961

Славная эпоха конца XVII – начала XVIII веков, «когда Россия молодая мужала гением Петра». Герои увлекательного исторического романа известного отечественного писателя А.Волкова – два брата, два выходца из стрелецкой семьи – Илья и Егор Марковы. Им, разлученным в детстве, предстоит пройти по жизни совершенно разными путями. Младший, пройдя через множество трудностей и пережив немало увлекательных приключений, станет одним из обласканных славой «птенцов гнезда Петрова». Старший же изберет другую дорогу – жребий бунтаря и борца за справедливость, вечно живущего, как на лезвии ножа...

© Волков А. М., 1938-1961

© ФТМ, 1938-1961

Содержание

Часть первая. Москва	5
Глава I. Спасение	5
Глава II. Акинфий Куликов	8
Глава III. Воспитание царевича Алексея	12
Глава IV. Навигацкая школа	15
Глава V. В ночном	17
Глава VI. Детские забавы	21
Глава VII. Егор Марков – навигатор	26
Глава VIII. Первые шаги	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Мелентьевич Волков

Два брата

Часть первая. Москва

Глава I. Спасение

Илья Марков мчался по лесу, делая петли, как заяц, спасающийся от собаки. Парень обливался потом: июльский день был зноен, ни облачка на небе, ни дыхания ветерка.

Илья сбросил на ходу шапку, скинул кафтан, чтобы легче бежать: всё напрасно. Преследователь не отставал. Кто бы мог ожидать такой прыти от пожилого неповоротливого солдата? Но, видно, того подгонял страх жестокого наказания за нерадивое исполнение службы.

Беглец задыхался, сердце его сильно билось, ноги подкашивались. Он уже собирался остановиться и вступить в схватку с преследователем, но в этот момент сзади послышался шум. Солдат запнулся и, упав с размаху, расшиб голову о березовый пенек.

Не веря своему счастью, Илья постоял, прислушиваясь, а потом побрел в глубь леса. Он шел и почему-то не думал о будущем, грозившем ему многими опасностями, а в памяти его вставало прошлое...

Илье было семь лет, когда отец его, Константин Марков, ушел в поход на крымцев. Мальчику хорошо запомнились прощальные слова отца, обращенные к жене и матери.

– Ох, чует мое сердце, не кончится добром для нас война... Коли уж в запрошлом году ушли мы из степей с уроном, ныне поганые и вовсе настороже будут... – Константин поклонился в ноги матери и в пояс жене. – Ежели не позволит бог возвратиться, сироток берегите, Илюшу да Егорку...

Отец поцеловал Илюшу и трехмесячного Егорку и вышел из ворот, прямой, сильный...

Он не воротился. Многие воины князя Голицына погибли в битвах с татарами, другие от голода и болезней. Было это в лето от сотворения мира 7197-е.¹

Семья Марковых осиротела. Трудно пришлось двум женщинам. Все домашние заботы и присмотр за ребятами пали на бабушку Ульяну Андреевну. Высокая, прямая, властная старуха была еще в полной силе. Родом украинка, она сохранила следы былой красоты. На смуглом лице ее густые брови срослись над переносьем, а из-под бровей смотрели смелые черные глаза.

В Москву Ульяна попала с посольством гетмана Богдана Хмельницкого. Здесь она вышла замуж за стрельца, привыкла к новой жизни и далекое украинское село, где прошло детство, вспоминала, как смутный сон.

Кормилицей семьи стала Аграфена Филипповна. Аграфене пригодились ее ремесло искусной белошвейки. В богатых боярских и дворянских домах знали ее, и от работы не было отбою. Вдова целыми днями шила; только поздно вечером, усталая, с покрасневшими глазами, возвращалась она домой. Заработка Аграфены с грехом пополам хватало на содержание семьи. Илюшке и Егорке мать часто приносила из боярских домов лакомый «гостинчик»: кусок пирога, крендель, крылышко цыпленка.

Так в труде и заботах проходили годы. Мать и бабушка как будто и не успели опомниться, а уж Илюхе пришлось время идти в стрелецкую службу: она была наследственной, и парню полагалось заступить место отца. В свои шестнадцать лет Илья был высок и силен не по годам,

¹ До Петра I летосчисление велось от так называемого «сотворения мира». 7197 год от «сотворения мира» соответствовал 1689 году нашей эры. Реформа летосчисления была проведена Петром с 1 января 1700 года.

любил драться в кулачных боях; среди парней редко встречался соперник, равный ему по силе. После того как Илью поверстали в стрельцы и отправили в полк, он ходил с товарищами на учения, таскал тяжелую фузею,² учился стрелять из нее.

Будущность рисовалась Илье легкой, беспечальной. Необременительная служба: война бывает не так уж часто. Зато в свободное время занимайся чем хочешь: хоть торгуй, хоть землю паши, хоть ремеслом кормись. Сытой и спокойной жизни стрельцов иные даже завидовали.

1698 год перевернул все.

Стрельцы не могли забыть той привольной поры, когда они над законными царями Иваном и Петром поставили правительницей их старшую сестру Софью, когда излюбленное ею стрелецкое войско было объявлено опорой трона. Тогда³ стрельцам показалось, что отныне они – главная сила в государстве, что они будут вершить все дела, воздвигать и рушить престолы.

Время стрелецкой власти прошло быстро. Сама ставленница стрельцов – Софья поняла, как опасно полагаться на буйную, изменчивую толпу, которой вертели честолюбцы бояре. Стрелецкие полки потеряли свое первенствующее положение и должны были покорно исполнять приказы свыше.

Мужавший не по годам юный Петр еще более принизил значение стрелецких полков.

Дело началось с малого. Еще мальчиком Петр не захотел сидеть во дворце под материнским крылышком, его тянуло на волю, к буйным веселым играм со сверстниками. Для царевича было набрано «потешное» войско из молодых дворян, из придворной челяди, из добровольцев всякого звания. Это потешное войско постоянно пополнялось, получало снаряжение. В воинских забавах, в непрерывном учении прошли годы, и отряды потешных превратились в стройные дисциплинированные полки Преображенский и Семеновский.

Эти полки помогли Петру в 1689 году одержать победу в борьбе с Софьей. По всему чувствовалось, что стрелецкому войску скоро придет конец.

Стрельцы заволновались. Они самовольно прибегали в Москву из тех городов, куда их посылали нести службу; роптали на жестокие новые порядки, на суровость начальства, замучившего людей дальними походами. Правительство долго ограничивалось полумерами; только отдельные нарушители воинского долга шли в ссылку. Наконец летом 1698 года стрельцы решились на открытое выступление. Четыре полка, стоявшие в Торопце, отказались выполнять приказы начальства и двинулись на Москву с намерением посадить Софью Алексеевну на царство. В одном из этих полков, чубаровском,⁴ служил Илья Марков.

У переправы через реку Истру, близ Воскресенского монастыря, мятежников встретили солдатские полки генералиссимуса Шеина и генерала Гордона. Они были посланы боярином Ромодановским, управлявшим страной в отсутствие царя Петра.⁵

Шейн и Гордон пытались привести стрельцов к покорности, но уговоры не действовали. Первые пушечные залпы заставили бунтовщиков бежать в панике. Убитых и раненых было несколько десятков, но царские драгуны окружили бегущих стрельцов, забрали в плен, повели в Москву на розыск.⁶ В числе пленных оказался и Илья Марков.

На всю жизнь запомнил Илюха допрос в Преображенском приказе,⁷ когда он со связанными за спиной руками стоял перед дьяком Василием Мануйловым.

² Фузея – ружье.

³ В 1682 году.

⁴ Полки обычно назывались по фамилиям командиров.

⁵ После смерти брата Ивана (в 1696 году) Петр единолично правил государством. В 1697 году он под именем урядника Петра Михайлова отправился в составе посольства в длительное путешествие за границу.

⁶ Розыск – допрос, следствие.

⁷ Преображенский приказ – учреждение, которое с 1697 года вело следствие и судило за все политические преступления, кем бы они ни совершались.

Дьяк сурово выводывал у Ильи имена зачинщиков и цель мятежа, но простодушный парень ничего не знал. Он пошел за старшими товарищами, считая, что происходит обычное передвижение полков.

– Мне приказали, и я был вместе со всеми, – угрюмо твердил Илья.

– Ха, малютка! – ухмыльнулся Мануйлов. – Вымахал под потолок, а чужим умом живешь.

– Мне и всего-то семнадцатый год, – возразил Илья, – а в стрельцах я четыре месяца.

Дьяк удивился:

– Ну, тогда и вовсе тебе не след было соваться в эту заваруху. Прознав про бунт, пришел бы к торопецкому воеводе да все и обсказал. Мы б тебя наградили!

– В доносчиках не ходил и ходить не буду! – пылко крикнул Илья.

– О, да ты вон каков звереныш! А ну, подвесьте молодца на дыбу!

Хрустнули вывернутые суставы, нестерпимая боль разлилась по всему телу... Илья потерял сознание. Но, и очнувшись, Марков не дал требуемых от него показаний. Илью увели в колодничью избу, куда были заключены стрельцы чубаровского полка.

– Плохо дело, – говорили Илье товарищи. – Ладно уж мы: знали, на что шли. А ты безвинно попал. Утечь бы тебе...

– А как утечешь из-под решеток да от стражи?

– Дождись своей очереди, когда поведут в лес дрова рубить для кухни.

И Марков дождался. Повел его пожилой солдат Григорий Псарев.

До полудня парень рубил и колот дрова под неусыпным присмотром караульщика. А потом, когда солдат разомлел от жары и глаза его начал смыкать сон, Илья прыгнул за дерево, которое подрубал, и понесся по лесу.

Псарев схватился за заряженную фузею, прицелился... Выстрел! Пуля прожужжала мимо Илюхиной щеки, он почувствовал ее горячее дуновение.

– Стой, стой! – кричал солдат. – Застрелю!

Но Илья знал, что зарядить фузею – длинная история. Сообразил это и солдат. Отбросив бесполезное ружье, он ринулся за быстроногим беглецом...

Григорий Псарев подобрал шапку и кафтан беглеца, разыскал фузею и вернулся в Преображенское. За небрежение солдат был нещадно бит батогами.

Через несколько часов после бегства Ильи на двор Марковых нагрянул подьячий с солдатами. В поисках «утеклеца» все было перерыто и перешарено, но Ульяна Андреевна и Аграфена целовали крест в том, что не видели Ильи с самого того дня, когда его услали в полк. Допрос соседей показал, что женщины не лгут, и их оставили в покое, пригрозив строжайшими карами за укрывательство бунтовщика, если он появится в слободе.

Глава II. Акинфий Куликов

Илья Марков раздувал костер. Незадолго перед тем прошел ливень, и мокрые сучья никак не разгорались. Едкий дым щипал глаза, лез в горло. Наконец показались язычки пламени, и парень отодвинулся от огня.

С тех пор как Илье удалось сбежать из царской тюрьмы, прошло два месяца. Марков сильно похудел, густой загар покрыл его лицо. Немало пути оставил за собой беглец, скитаясь без определенной цели. Ходил он большей частью по ночам, питался овощами, украденными с крестьянских огородов.

Осень заставила парня крепко призадуматься. Как провести зиму без крова, без пищи, в легкой одежонке? И тут ему привалило счастье. Устраиваясь на ночлег в пустом овине, Илья услышал чью-то возню в соломе, и настороженный голос спросил:

– Кто, божий человек?...

Уже две недели Илья Марков и Акинфий Куликов были неразлучны. Опыт старшего товарища в бродяжничестве оказался неоценимым. Акинфий имел фузею и весь охотничий припас. Вот и теперь, пока Илья разжигал костер на берегу речки, Акинфий охотился.

В лесу грохнул выстрел, и вскоре на полянку вышел Куликов. Был он среднего роста, коренастый, и чувствовалась в нем огромная и спокойная сила. Большая голова с черными как смоль волосами крепко сидела на широких плечах, открытый взгляд серых глаз на некрасивом лице говорил о добродушии и уме. Одежда Акинфия – меховая шапка, поношенный, но чистый армяк с заплатами, холщовые порты, постолы⁸ из волчьей шкуры – все сидело на нем ловко. Видно было, что этот человек «соблюдает себя», как говорится в народе, и даже бродячая жизнь не выбила из него крестьянской домовитости и любви к порядку. Лет было Акинфию под сорок, но еще ни один седой волос не пробился ни на голове, ни в короткой курчавой бороде.

– Живем, Илюха! – весело воскликнул Куликов и поднял над головой большого глухаря с черно-бурыми крыльями, темной спинкой и зеленовато-серой грудкой. – О, у тебя и костер готов! Важно! Похлебку варить будем. Ты ошипывай птицу, а я шалашом займусь.

Когда у Ильи закипело варево, Акинфий уже заканчивал шалаш из жердей. Он накрывал его мелкими еловыми ветками, так плотно уложенными, что сквозь них не должна была пробиться ни одна капля дождя.

– Чего стараешься, дядя Акинфий, – лениво заметил Илья. – Как-нибудь прокоротаем время.

– Эх, Илюха, зелен ты еще, – добродушно отозвался Акинфий. – Всякое дело на совесть делать надо. «Прокоротаем время!» А коли дождь? Осенняя ночь долга, мокрый продрогнешь, как собака. А и уйдем мы завтра, наш шалаш долго еще будет служить добрым людям, рыбакам да охотникам.

Илья Марков застыдился и, снимая котелок с огня, молвил:

– На все у тебя, дядя Акинфий, правильный ответ есть.

– Меня, паренек, жизнь умудрила. Вот я к тебе все приглядывался и вижу: хоть у тебя и бродит еще ветерок в голове, а человек ты надежный, и можно тебе открыться. Так слушай же...

И пока беглецы ели похлебку и глухариное мясо и потом лежали в шалаше, ручейком лилась неторопливая речь Акинфия Куликова под мерный стук капель по еловой крыше шалаша (дождь-таки разошелся на ночь!).

– Родом я малоярославецкий, – начал свой рассказ Акинфий, – из деревни Староселье, бояр Лопухиных...

⁸ Постолы – род сапог с мягкой подошвой.

– Это не тех ли, что царевы родичи? – перебил Илья.

– Их самых, – подтвердил Акинфий. – Жена царева Авдотья Федоровна нашему господину Василию Абрамычу родная племянница... Покудова царь не женился на этой самой Авдотье, лопухинский род смиренно сидел на своих поместьях, и тяготу от них мужики несли хоть и большую, иначе терпеть можно было. Ну, а после свадьбы Авдотьиной – чисто осатанели!

– А это почему бы так, дядя Акинфий?

– Да как же: в большие люди вышли! Кого в бояре пожаловали, кого в окольных. Надо же себя показать! Тут тебе и новые кареты зандобились, и шубы собольи, и золотая да серебряная посуда – пиры пошли каждый вечер, а утром опохмелки... Добыть-то деньги на всю эту роскошь откудова? Ясно – мужику отдуваться! Начали с нашего брата три шкуры драть.

Вот терпели мы, терпели годов, почитай, шесть, управителю в ноги кланялись, и все без толку. Надумал тогда батька челобитье подать аж в самую Москву. Было это в двести третьем году.⁹ Нашли в Малоярославце письменного человека из посадских, написал он челобитную на четырех листах. Много там было обсказано про нашу горькую долю, про утеснения великие, про то, как всю пахотную и сенокосную пору теряем мы, на господ работаючи, а наши нивы запустели. И про то было написано, что, положенное для боярина забрав, управитель излишний побор требует и животы наши разорил. Конец челобитья хорош был. – Акинфий певуче, по церковному, прочитал на память: «...Помещики зверонравные, яко львы, хищными зубами нас, сирот твоих государевых, пожирают и, яко же змии ехидные, ядовитыми жалами жалят и ежедневно и ежечасно нас, сирот твоих, на лютую казнь посылают...»

– Ух, здорово! – в восторге воскликнул Илья. – Какие слова! Прямо в душу входят... И уж, верно, государь, такую челобитную прочитав, немилосердных господ вразумил?

– Прост ты, Илья, – горько усмехнулся Акинфий, – тебя твоя беда еще ничему не научила. Неведомо еще тебе, что и бояре, и помещики, и приказные дьяки – все одного поля ягоды. Сказу моему далеко до конца...

Послало Староселье с челобитной выборных людей: батьку моего Семена Куликова, да Пахома Турина, да Ивашку Полозова. Пришли наши ходатаи в Москву, сунулись на царский двор, а откудова их в одночасье в Преображенский приказ завернули.

– В Преображенский?! – с ужасом прошептал Илья. – Страшное это место...

– Страшное. Тебя дьяк допрашивал, а наши челобитчики попали на расправу к самому боярину Ромодановскому, Федору Юрьичу. А он изо всех царевых псов самый что ни на есть наилютейший! Не месяц и не два мучили батьку и его товарищей, все допытывались, кто у нас в селе смутители супротив помещичьей, а значит, и против царской власти, голос возвысившие. Батьку семь раз на дыбу подымали, огненными вениками спину парили, но ни слова от него не добились. Пахом Турин пятой пытки не стерпел и назвал подстрекателями меня и еще четверых мужиков нашей деревни. Ивашка Полозов малоярославецкого грамотея выдал: уж очень на того злы были господа за беспощадные слова челобитной грамоты... Ну, и нас, старосельских мужиков, и городского грамотея скорехонько забили в колодки и в Москву пригнали. Засвистели и над нами плети, захрустели косточки, на дыбе выворачиваемые.

Марков, слушавший с напряженным вниманием, не выдержал и заплакал. Куликов погладил парня по плечу:

– Ничего, Илюха, крепись, наше последнее слово еще не вымолвлено... Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Обзнакомились мы с застенком, как с родной избой, вдоволь напоили тюремных клопов нашей кровушкой, а потом и вышло нам решение: «Семена Куликова, яко главного возмутителя и злонамеренного дворян порицателя, бив кнутом на козле¹⁰ нещадно и язык урезав, сослать в Сибирь на вечное житье в пашню. Пахома Турина

⁹ В 7203 году от сотворения мира, то есть в 1695 году.

¹⁰ Козел – высокий брус на ножках, на котором секли наказуемых.

и Ивана Полозова, кнутом же бив, возворотить боярину Василью Лопухину, да решит судьбу их...»

– А тебя? А с тобой как? – не выдержал Илья.

Рассказчик неторопливо продолжал:

– «...Акинфия Куликова, яко злостного подстрекателя, бить батоги двести крат¹¹ и, ежели после такого наказания жив учинится, сослать в работу навечно на Угодский железный завод иностранца Вахромея Меллера...»

Так-то вот, Илюшенька! С батькой обнялись мы в последний раз, когда подьячий прочитал нам приговор. Батка битья кнутом не перенес и на том же козле, где его наказывали, преставился: крепок был до тюрьмы старик, иначе отняли у него силу пытки непереносные...

– А как с односельчанами твоими? С грамотеем?

– Про грамотея не знаю, а Турина с Полозовым и тех четверых боярин Лопухин в солдаты сдал: не захотел терпеть их у себя... Ну тебе, верно, уж и спать пора, дело-то к полуночи подвигается.

– Дядюшка Акинфий, я вот ни столечко! – вскричал Илья. – Я до утра тебя слушать готов! Как ты дальше-то? Как уйти удалось, говори, не томи!

– Дальше... Ох, и дальше всего много было, – вздохнул Акинфий. – Что ж, слушай... Батожье я перенес. Не так-то легко подрубить дерево куликовского кореню. – Мужик постучал себя по выпуклой груди, повел могучими плечами. – А как отдышался я, забили меня в колодки и отправили под караулом на железный Меллеров завод. На заводе том управителем был немец Шредер Яган Вульфович, мастера тоже, почитай, все немцы, а черную работу наши делали. Поселили меня в казарме с бессемейными мастеровыми, и на свету зимнего дня пришел я в первый раз на завод. Переступил порог, и оторопь меня взяла, гляжу и ничего разглядеть не могу... Слюдяные окошечки под самым потолком, маленькие, закоптелые. Свету только и было от пламени горнов, а перед пламенем люди мельтешили.

Шум, грохот кругом – с непривычки оглохнуть не мудрено. Стучат по железу молоты, скрипят кузнечные мехи, гудят горны, кричат и ругаются люди. Еле-еле добрался я до третьего горна, куда назначили меня работать по переноске тяжестей.

На мое счастье, мастером у третьего горна стоял русский. Евграфом Кузьмичом звали его. Увидел он, что я стою как неприкаянный, и подбодрил меня: «Не тужи, Акинфий, и здесь люди живут...»

Да, Илюшенька, чистый там ад, и люди все ходят, как черти, чумадые от сажи да от копоты. Ну, ты знаешь, силенкой я не обижен, а и то за первый день работы так умаялся, что не помню, как до казармы добрел. А там – подарочек от начальства приготовлен. Нас, бессемейных мужиков, чтоб с завода не утекли, Яган Вульфович велел казарменным сторожам на ночь в колодки заковывать.

– В колодки?! – ахнул Марков. – После такой работы в колодки? Да бог-то у них есть али нету?

– Богу они молятся усердно и в церковь ходят неленостно... Так вот и пошло: на заводе работа тяжкая, в казарме – колодки. А еда такая – мы в своем хозяйстве свиней лучше кормили. Месяца через два, иначе, повелено было от колодок нас освободить.

– Сдобрились?

– Нет, болеть, чахнуть начал работный люд. Трое и вовсе померли. Увидел Шредер, что нет выгоды так людей терять, и новое выдумал: всю верхнюю одёжу и валенки на ночь отбирать, чтобы, значит, в одном исподнем работные спали. Думал немчура тем русского мужика удержать в неволе, ан нет, не удержал!

Илья радостно рассмеялся:

¹¹ Дать двести ударов батогами (палками).

– Ушел ты, стало быть?

– Тогда и ушел. Давно у меня сердце горело узнать, что на деревне у нас делается, проведать хотелось бабу, сестер. Мать моя допреж померла. От Угодского завода до Староселья и всего-то верст сорок... Просился я у начальства, обещался за одни сутки обернуться и за то потом отработать. Куда там – и слушать не захотели. «А коли так, ладно! – подумал я. – На сутки не отпускаете, совсем убегу!» Но бежать-то надо было с умом, а то попадешься, шкуру плетью спустят и на цепь станут приковывать – такое видел я...

Казарма наша стояла на отшибе, и был над ней чердак, куда сторожа разное хламье сваливали. Через этот чердак и порешил я на волю выйти. Ночь выбрал такую морозную, что плюнешь – слюна на лету застывает. В такую пору караульщики спят, в тулупы завернувшись, и опасаться их нечего.

Дождлся я полуночи, когда по казарме храп пошел на всякие лады, поднялся на чердак и оттудова через слуховое окошечко в сугроб бухнулся.

– Ой, какие страсти! – ужаснулся Илья.

– Сугроб-то глубокий был, не расшибся я, а только морозом охватило меня, по всем жилочкам озноб пошел. – Вылез я из сугроба и припустился во всю прыть...

– Неужто в Староселье побежал, дядюшка Акинфий?

– Что ты, дурашка, разве мысленно такой путь сделать в одном исподнем да босому? Побежал я к своему мастеру Евграфу Кузьмичу. Жил он в деревушке версты за три от завода, и дорога туда была мне ведома. Знал я и то, что его дом – третий от въезда на правой руке... Так я мчался, что аж пот меня прошибал, только подошвы прихватывало, будто на раскаленной сковородке пляшу. Ну, это еще терпимо было, да только, когда уж немного пути оставалось, пристигла меня беда. Поскользнулся я на гладком снегу и ногу свихнул.

Илья стиснул зубы, чтобы не закричать, точно несчастье случилось с ним самим.

– Тут хлебнул я горя. Ползу на карачках, руки-ноги зашлись, рубаха и портки мои леденеть начали, потому мокрые от пота были. Сам не помню, как на Кузьмичево крыльцо я вполз и в дверь заколотил... Хозяин выходит, а я без памяти лежу. Потом уж рассказал он, как втащил меня в холодные сени и долго снегом оттирал. Очнулся, смотрю на старика, и слезы у меня из глаз так и льются, удержу нет. «На тебя вся надежда, Кузьмич, – прошептал я. – Коли выдашь, конец мне!» – «Али на мне хреста нет, – заворчал старик. – Хоть и вожусь с немцами, все же не обасурманился я».

Марков в восторге схватил грубую руку Акинфия и крепко пожал ее. Он переживал рассказ товарища, как ребенок переживает сказку, сочувствуя бедам героя и радуясь при удачах.

– Вправил мне старик ногу, дернув изо всей мочи, и хоть заорал я от боли, зато сразу легче стало. Потом одел меня во все сухое, накормил, уложил на печку, а перед тем, как на завод идти, в теплый чулан спрятал. Там, в чулане, я и скрывался целую неделю, пока суматоха не улеглась.

А потом Кузьмич снабдил меня одежей, топор дал про всякий случай, и пошел я в Староселье. Зимняя ночь долгая, отломал я сорок верст без отдыха и еще до свету пришел в деревню. Нерадостные, ах, нерадостные вести узнал я... Изба наша стояла заколоченная, зашел я к соседу, добрый такой, душевный мужик. Поведал он мне, что баба моя померла в первое же лето, как я в тюрьме сидел. Напилась жарким днем ключевой воды, и в два дни горячка уложила ее в могилу. Сестер моих лопухинский управитель выдал замуж в дальние деревни за самых ледящих мужичков. Так остался я один на свете. – Акинфий вздохнул и долго молчал. – Фузею, охотничий припас и кой-какие пожитки Настасья моя догадалась передать соседу сразу, как меня взяли, и он все это сберег. Вот с тех пор и бродяжничаю я по белу свету...

– Да, горькая тебе выпала судьбина, – тихо и задумчиво сказал Илья.

Два друга долго еще лежали, ворочаясь с боку на бок на сене, устилавшем пол шалаша, пока мерный стук дождевых капель не усыпил их.

Глава III. Воспитание царевича Алексея

В прежнее время русские цари женились рано. Петра обвенчали с Евдокией Лопухиной, когда ему не было еще и семнадцати лет. Сын Алексей родился 28 февраля 1690 года.

Царевича Алексея Петровича с младенческих лет воспитывали по старинке. Бабка Наталья Кирилловна и мать, царица Евдокия, ветерку не давали дохнуть на маленького Алешу. Ведь он совсем не в отца уродился: тихонький, боязливый, слабый здоровьем.

Тепло укутанный в соболью шубку, в меховой шапочке, в расписных валенках, черноглазый царевич медленно ходит по аллее под надзором нянюшек и мамушек. Под ногами скрипит снег, деревья покрыты белыми шапками, над кровлей Преображенского дворца хмурится небо.

Скучно...

– Хочу в дом! – хнычет царевич.

Дома снимают шубку, но остается кафтанчик на гагачьем пуху, на ногах вместо валенок – меховые чулки. Теплота разнеживает, хочется спать.

Царевичу показывают поучительные картинки, нарисованные золотом, киноварью, лазурью специально для него, Алексея Петровича, наследника Российской державы. Составил картинки ученый монах Карион Истомин с благой целью: играя, царевич выучит буквы.

Монах в длинной черной рясе, с красивой, аккуратно расчесанной бородой перелистывает перед ребенком шуршащие листы рукописной книги...

Вот петушок – золотой гребешок, маслена головушка, шелкова бородушка, петушок из сказки, родной и знакомый. А монах, водя пальчиком царевича по буквам, молвит непонятное:

– Се алектор,¹² государь царевич. На словено-российском диалекте – петел нарицается...

Дальше нарисовано чудище с высунутым жалом и длинным чешуйчатый хвостом. Страшный какой!

– Се аспид,¹³ – объясняет Карион Истомин. – Зело¹⁴ человеку вредителей.

Скучно...

Зевота одолевает царевича, глазенки слипаются... Набегают няньки и мамки, уводят мальчика в опочивальню, под пуховые одеяла.

Весна и лето тоже не приносят царевичу радости.

В Язуе барахтаются, плещутся и ныряют мальчишки. Но царевича к ним не пускают.

Разве можно ему бегать по зеленому лугу вперегонки с визжащей ватагой веселых мальчишек?

Опять чинно ходит царевич по длинной аллее сада. Скрипят на ногах желтые козловые сапожки, на плечах теплый кафтанчик (как бы не продуло). Шелестит зеленая листва, небо высокое и синее, а царевич все в неволе...

Мать и бабушка довольны.

Отец носится по огромному своему царству. То он у холодного Белого моря, то строит флот в Воронеже, то штурмует азовские твердыни.

Царю нет времени заняться своей семьей. Много дел накопилось в государстве Российском: невпроворот! Петр по целым месяцам, годам не видит сына. Свидания редки и случайны. Врывается Петр Алексеевич во дворец, поднимает сына высоко – ух, как высоко! – прижимает его личико к своей колючей щеке, смотрит на него веселыми круглыми глазами. Сам он – как ребенок огромного роста с ласковой ямочкой на подбородке.

– Растешь? Расти, молодец, расти, дела много впереди!

¹² Алектор (*грек.*) – петух.

¹³ Аспид – сказочный змей.

¹⁴ Зело – очень.

Царь дарит сыну ружьецо чудесной работы, солдатский мундирчик со множеством блестящих пуговиц и опять исчезает, опять мчится на север, на юг...

Картинки Кариона Истомина были только забавой. Шести лет царевича начали учить всерьез.

Воспитателем Алексея стал дьяк Никифор Вяземский, знаток церковкой «науки». Его рекомендовал царю патриарх, хвалили ближние бояре.

– Не все ли равно, кто обучит мальчонку грамоте? – сказал Петр. – Аз-буки показать – не велика хитрость! Когда подрастет царевич, иных учителей найдем.

Выбор воспитателем Никифора Вяземского был большой ошибкой царя. Никифор Кондратьевич не понимал и не признавал новшества Петра. Он, понятно, не решался выступить против воли неумолимого царя, но боярская старина была милее его сердцу.

Детский ум понимает любой намек, ранние впечатления глубоко западают в душу.

...Царевич сидит за низеньким столиком. Перед ним разложены картинки.

– Дядька Никифор! А это что такое?

– Сие? Сие, Алешенька, дракон, а по-нашему сказать... ну, Змей Горыныч.

– Почему у него дым из пасти валит?

– Дым-то? Он, верно, бесовское зелье, табачище курит... А кто табаком оскверняется, тому нет пути в царствие небесное.

– Значит, тятя в царствие небесное не попадет? – звонко спрашивает мальчик. – Его черти в ад утащат?

– Тссс! Тише... – ворчит испуганный учитель. – Какой вострый! Твой тятя – царь, понимаешь, а царям все дозволено...

– И мне все будет можно, когда царем стану?

– Понятно, все!

– Тогда я собаку Чернушку во дворец пушу жить...

Царевич с дядькой едут в Кремль. Алеша смотрит в окно кареты.

– Гляди-ка, гляди, дядька Никифор! Немец идет!

– Не видывал я их, проклятых, – угрюмо отвечает наставник, но поворачивает голову к стеклу. – Ишь, куций, нарядился от собак бегать! Кафтанишка коротенький, штаны в обтяжку. Скобленное рыло к нам повернул... Кланяется! Не отвечай, Алешенька, ну его к бесу!

– Дядька Никифор, почему он не по-русскому одет?

– Почему? Потому что русскую одежду все святые угодники носили, а он – басурман, господом проклятый!

И мать Алеши звала немцев «нечистиками», говорила, что от них всякое зло идет.

– Околдовали «нечистики» Петрушу, испортили, – жаловалась она ближним боярыням, не стесняясь присутствия сына. – Уж я ли мужу не угождаю, как свеча перед ним горю, а он все в Немецкую слободу рвется...

Немцев, впрочем, бранили с опаской, только в своем тесном кругу. Алеша понял: об этом с отцом говорить нельзя.

Учебные занятия шли хорошо. Царевич был понятлив, быстро одолевал премудрости букваря, научился читать псалтырь и часослов,¹⁵ знал наизусть множество молитв и духовных стихов.

Правда, царь думал не о такой науке для Алеши. Но читать в те годы, кроме псалтыря и часослова, было нечего: «светских» книг в России еще не печатали. Первые книги «светского» содержания появились после 1700 года.

¹⁵ Псалтырь и часослов – церковные книги.

Еще путешествуя за границей, Петр решил порвать с женой, которая его не понимала. Была боярыней, боярыней и осталась. Все новое претило ей. Зачем супруг по Руси да по чужестранным землям разъезжает? Сидел бы в Кремле, правил бы с боярами да русскую старину соблюдал, как прежние благочестивые государи...

За полтора года странствий по Европе царь не написал Евдокии ни одного письма. Зато приближенным своим приказывал уговорить царицу постричься в монахини.¹⁶

Пойти в монастырь – все равно, что в могилу. Евдокия на это не согласилась.

Вернувшись в Москву, Петр повернул дело круто. Евдокию отправили в Суздальский монастырь и постригли под именем инокини Елены.

Царевича Алексея, оторванного от матери, переселили из Преображенского в Новый Потешный дворец и отдали под присмотр тетки, царевны Натальи Алексеевны. К мальчику приставили дядьку-сержанта, и тот занимался с ним ружейными приемами. Воспитатели учили царевича иностранным языкам, математике, географии, истории.

А противники новшеств Петра шептались по углам:

– Зачем еретические науки помазаннику божию? Царствовали русские государи и без них.

И Алексей, подстрекаемый боярами, становится замкнутым: он упорно стискивает зубы и все ниже опускает голову при встречах с отцом. А у Петра опять не находилось времени заняться сыном...

За полтора года жизни за границей Петр отвык видеть вокруг себя людей в длиннейших шубах с рукавами до полу, в высоких меховых шапках, с бородами до пояса. То ли дело легкая и удобная немецкая одежда! Надень ее на себя, и всякое дело будет спориться! Так, по крайней мере, казалось пылкому, нетерпеливому царю, и он задумал одеть бояр на европейский манер.

Царю, земному богу, все было доступно – даже смелая ломка старинных дедовских обычаев, до того являвшихся нерушимой святыней. Бояре ехали во дворец, как на смерть. Да что там говорить, иные охотнее приняли бы смерть, чем такое поношение, когда царские шуты большими овечьими ножницами отстригали полы длинных боярских шуб, кромсали боярам усы и бороды...

Царь задумал большое, серьезное дело – покончить с отсталостью России. Много требовалось для этого: надо было насаждать образование, развивать ремесла, строить фабрики, вести обширную торговлю с заграницей. Но крепким заслоном между Россией и просвещенной Западной Европой лежали государства, которым не по душе было усиление «дикой Московии», которые всячески старались этому помешать.

Торговые корабли приходилось отправлять далеким кружным путем через Архангельск, по студеным морям, большую часть года скованным льдами.

Мысли Петра перенеслись к Прибалтике. Ведь и там, из гаваней Балтийского моря, пролегал удобный морской путь на Запад. Но и этот путь был заказан.¹⁷ Устье Невы и побережье Финского залива, исконные русские земли, которыми когда-то владели новгородцы, захватили шведы.

Петр решил воевать.

Для борьбы со шведами союзники отыскивались – король польский, он же курфюрст¹⁸ саксонский Август II, и король датский Фридерик IV.

Война предстояла серьезная, тяжелая. Швеция была одной из сильнейших военных держав Европы.

¹⁶ Уходя в монастырь, человек лишался прежнего имени, собственности, расторгались семейные узы, и оставшийся «в миру» супруг имел право вступить в новый брак.

¹⁷ Заказать – запретить (старинное выражение).

¹⁸ Курфюрстами назывались правители наиболее значительных немецких княжеств.

Глава IV. Навигацкая школа

В августе 1700 года царь Петр объявил войну Швеции и двинул войска к сильной вражеской крепости Нарве.¹⁹ Но к этому времени Дания, заключившая с Россией союзный договор, уже была разбита и вышла из войны.

Безуспешная осада Нарвы продолжалась два месяца, а потом на выручку крепости явился сам шведский король Карл XII с несколькими полками.

Русское войско, в большинстве состоявшее из плохо вооруженных, плохо обученных новобранцев, было разбито в сражении под Нарвой. И, однако, солдаты Преображенского и Семеновского полков держались так стойко, что если бы иностранные генералы, командовавшие русской армией, не поспешили сдаться, шведы потерпели бы поражение.

Петр понял, что война будет не только трудной, но и долгой. Чтобы победить шведов, нужно было заново создать и вооружить армию, построить морской флот, основать промышленность. Для армии и флота, для фабрик и заводов надо было подготовить офицеров и мастеров из своих, русских людей, а это могло осуществиться только во вновь открытых школах.

Карл XII, ослепленный победой, счел русских ничтожными противниками и направил все свои усилия против польского короля. Борьба Карла XII с Августом II затянулась почти на шесть лет.

Эти шесть лет Россия использовала в полной мере.

Менее чем через два месяца после Нарвского поражения Петр подписал указ о создании первой технической школы в России.

*«Великий государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белья России самодержеи, указал... быть математических и навигацких, то есть мореходных, хитростно наук учению. Ведать те науки по Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи, и тех наук ко учению избирать добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением; и учинить неимуцим во прокормление поденной корм усмотря арифметике или геометрии ежели кто същется отчасти искусным, по пяти алтын в день, а иным же по гривне²⁰ и меньше, рассмотрев коегождо искусство учения...
14 января 1701 года».*

«Промедление в делах смерти невозвратимой подобное» – говорил царь Петр. Он понимал великую ценность времени, дорожил каждой минутой.

Само название Навигацкой школы говорило о том, что она должна была в первую очередь готовить навигаторов, то есть мореплавателей. Школа вскоре открылась на окраине в Хамовниках, на Кадашевском полотняном дворе, но это оказалось очень неудобным, и уже с 25 июня 1701 года она начала работать в Сухаревой башне.²¹

Указ Петра гласил:

¹⁹ На реке Нарове, в 12 верстах от ее впадения в Финский залив.

²⁰ Алтын-3 копейки. Гривна – 10 копеек. «Стипендия» ученикам Навигацкой школы полагалась очень большая. Смотри по успеваемости, они получали от 36 до 54 рублей в год. А в то время рабочие-литейщики зарабатывали 16–25 рублей в год, пушечные и пороховые мастера – 40–50 рублей в год. Большой стипендией царь хотел приохотить к учению, молодежь.

²¹ Сухарева башня была построена в честь стрелецкого полковника Леонтия Сухарева, который остался верен Петру во время его борьбы с Софьей в 1689 году.

«...Во учителях быть англиския земли урожденным: математической – Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой – Степану Гвыну да Рыцарю Грызу...».²²

Трудно было сразу набрать учеников, подготовленных к изучению математики и мореходных наук, поэтому при школе открылось подготовительное отделение, так называемая русская школа. В ней поступающие учились читать и писать, изучали закон божий. Обучение в «русской школе» рассчитано было на полтора-два года.

Занятия начинались утром. Боярские и дворянские сынки приезжали в каретах или верхом. Кто победнее, шел пешком, с аспидной доской под мышкой.

В урочный час школьный сторож колотил в било.²³ Толпа учеников расходилась по классам.

Трудно было заставить учиться изнеженных боярских и дворянских детей. Они с грустью вспоминали деревенское житье.

То ли дело у себя дома! Охоты с гончими, с соколами; иные юнцы сами хаживали с рогастиной на медведя... И после такой вольной жизни приходится разбирать непонятные крючки и закорючки, от которых рябит в глазах.

Восемнадцати – двадцатилетние «дети» сплошь и рядом удирали из школы в свои родовые вотчины. Царь приказывал возвращать их «с принуждением».

Меры воспитания были суровы.

Царь издал указ: «Выбрать из гвардии отставных добрых солдат и быть им по человеку во всякой каморе и иметь хлыст в руках: и, буде кто из учеников будет бесчинствовать, оным бить, несмотря, какой бы виновный фамилии ни был».

Но ни солдаты с хлыстами, ни денежные взыскания не могли удержать лентяев в стенах школы. Своевольные, необузданные баричи стремились из нее, как зверь из железной клетки.

Утешительно было то, что ученики из простого народа – а таких насчитывалось немало – старательно преодолевали трудности учения. Их старание рождало уверенность, что начинание Петра полезно, что через несколько лет Россия увидит своих образованных сыновей – питомцев Навигацкой школы.

В адмиральский час²⁴ играла музыка на верхней галерее Сухаревой башни. Учению объявлялся перерыв, школьники расходились кто куда. Бедняки съедали принесенный с собой кусок хлеба, дворянским детям слуги привозили горячий завтрак, а иные баричи направлялись в кабак и возвращались оттуда «зело под мухой». Таких товарищи прятали под столы отсыпаться; если же они попадались на глаза учителю, их ожидала беспощадная расправа.

Перед вечерней зарей снова играла музыка, и навигаторы возвращались по домам.

²² В современном произношении – Эндрию Фарварсон, Стефан Гвин и Ричард Грейс.

²³ Било – чугунная доска, заменявшая колокол.

²⁴ Адмиральский час – двенадцать часов дня.

Глава V. В ночном

Густые тучи покрывали небо. Непроглядная тьма нависла над Москвой. В воздухе пахло дождем, и где-то вдали тревожно мигали зарницы.

Давно потухли свечи в боярских хоромах и лучины в избушках бедняков. Пусто и тихо было на улицах; лишь изредка слышалась унылая переключка сонных решеточных²⁵ сторожей.

За городской заставой паслись лошади, выгнанные в ночное. У глубокого оврага, пересекавшего луг, горел костер; вокруг огня расположились четверо ребят в стареньких армяках и полушубках.

Спутанные лошади лениво бродили по траве. По временам шаги их замирали в отдалении. Тогда сидевшие у костра призывали коней протяжным тихим свистом.

Старшему из ребят, Гришухе Тютину, исполнилось шестнадцать лет; его товарищи были значительно моложе.

В ночное Гришуха Тютин явился не с пустыми руками: около него лежал топор, тускло поблескивая при свете костра.

– Степ, а Степ! Поди проведай лошадей, – сказал Гришуха.

Белобрысый Степка Казаков замотал взъерошенной головой.

– Ишь, хитрый! – плаксиво ответил он. – Так я тебя и послушал!

– Я сбегая, Гришуха! – бодро вскочил младший из ребят – Ванюшка Ракитин, коренастый, широкоплечий мальчуган с круглым лицом и румяными щеками.

– Ты уж! – покровительственно молвил Гришуха. – Ладно, сиди, сам схожу.

Он заткнул топор за опояску и скрылся в темноте. Оставшиеся плотнее прижались друг к другу. Степка от усердия бросил в костер охапку сучьев и приглушил пламя.

– Эй вы там! – послышался зычный голос Гришухи. – Чего балуетесь?

– Дуй! Дуй! Дуй! – зашептали ребята.

Костер снова запылал, и ребята откинулись от огня.

Подогнав лошадей поближе, Гришуха вернулся. Егорка Марков тронул его за плечо.

– Слышь, Гришуха, дай-ка топор – я водяную меленку вытесывать буду.

– Не сидится тебе без дела! – Гришуха подал топор.

Сухощавый, высокий Егорка ловко заработал топором, раскалывая на планки привезенный с собой чурбак.

Егорка Марков славился среди соседских ребят изобретательностью. У него немало было игрушек своей работы: птиц, хлопающих крыльями, дергунчиков, разноголосых свиристелок. Летом Егорка устанавливал на огороде необычайные чучела, которые даже при малом ветре вертели головой, махали руками и отгоняли воробьев от грядок с огурцами и горохом.

Егорка кончил меленку, повертел в руках, отложил в сторону. Ребят одолела дремота. Они поплотнее натянули армячишки, привалились друг к другу...

Вдруг из оврага донесся пронзительный разбойный свист.

Робкий Степка вскочил и рванулся прочь.

– Стой, дурашка! Куда бежишь? В темноте как раз и схватят! А сюда небось не сунутся... Видал, каков у меня топор?

Прошло минут пять – никто не появлялся. Ребята начали успокаиваться.

– Он пугал, – догадался Гришка. – Только с нас взять нечего.

– А лошади! – вскрикнул Ванюшка.

Гришка вскочил и бросился к коням. Скоро он вернулся, тяжело дыша.

– Все тут... Ух, напугался!

²⁵ На ночь улицы в Москве XVII–XVIII века перегораживались решетками, при которых стояла стража.

Он подбросил дров в костер. Ребята боялись уснуть, завязался разговор.
– Ребятки, я какое дело слышал, – зашептал болтливый Степка. – Сухареву башню знаете?
– Как не знать!
– Там ребят собрали со всей Москвы и обучают грамоте... Порют, говорят!
– Эка невидаль! – откликнулся Ванюшка. – Когда грамоте учат, завсегда порют.
– Самый главный у них заправила – прозвание ему Брюс... Колдун и чернокнижник. Он черту душу продал... Моя тетка сама видела – лопни глаза! – как он летал ночью на дальнорезкой трубе...

– На чем? – переспросил Гришуха.

– На дальнорезкой трубе... Такая труба: через нее всё-превсё по самый край света видно.

– Брешешь, Степка! – возмутился Гришуха.

Но Ванюшка возразил:

– Мой батька сам такую у немца²⁶ видел.

– Коли так, ври дальше!

– Вылетел это он, братцы, на дальнорезкой трубе – и прямо на месяц...

– Это зачем же? – удивились слушатели.

– Пес его знает! Может, с покойниками разговаривать.

– Ох, ни в жизнь я в школу не пойду! – решил Степка, бледнея от страха. – Там всякому чернокнижью обучат и душу сгубят.

– Нет, я бы пошел! – мечтательно сказал Егорка. – Ей-бо, пошел бы. Насчет чернокнижья ты зря говоришь. Чернокнижному волшебству колдуны по тайности обучают. А в школе псалтырь да Евангелие велют читать, цифирь показывают!

– Вона! Зачем тебе цифирь? Больно учен станешь!

– Вот и хорошо, что учен! С цифирью я всякому хитрому мастерству обучусь.

– Цифирь купеческому делу пригодна, – неожиданно вступился Ванюшка Ракитин.

Гришуха рассмеялся:

– Ты нешто в купцы метишь? Чем торговать будешь? Битыми горшками?

– Повремени насмешки строить, – серьезно, как большой, ответил десятилетний Ванюшка и добавил то, что не раз слышал от взрослых: – Москва тоже не одним часом обстроилась.

Разговор оборвался.

Ребята сидели, клевали носом. Очнувшись, подкидывали дров в костер.

Вдруг послышался шум, зашуршала осыпающаяся земля. Ребята вздрогнули, мигом слетел сон. Из оврага выкарабкался мужик в меховой шапке, в опрятном поношенном армяке и кожаных постолах. За спиной его была торба с чем-то мягким. Поглаживая черную курчавую бороду, нежданный гость остановился в нескольких шагах от костра и, улыбаясь, глядел на ребят. Те оторопели, а Гришуха ощупал топор – ловко ли лежит под рукой.

– Это он нас давеча напугать хотел? – прошептал Степка.

Гришуха утвердительно кивнул головой.

– Лошадок караулите? – хриплым, но приятным баском спросил мужик.

– А ты нешто не видишь? Давно приглядываешься!

Мужик посмотрел с недоумением.

– Нельзя ли у вашего костра посидеть?

– Садись, коли не шутишь, – неохотно пригласил пришельца Гришуха, а сам поплотнее охватил топором.

– Да вы меня, ребята, не бойтесь, – усмехнулся мужик, – я вам зла не сделаю.

– А свистел зачем? Лошадей отогнать хотел?

²⁶ Немцами на Руси в старину называли всех иностранцев.

Мужик искренне удивился.

– Я свистел? Лошадей отгонял? Да что вы, братцы! По мне, конокрадство – самый тяжкий грех! И подошел-то я сюда только-только, ваш костер меня приманил.

Ребята начали успокаиваться.

– Чего же ты бродишь по ночам, как супостат? – недовольно спросил Гришуха.

– Вишь, как ты круто поворачиваешь, милоч! Слова твои верные, да ведь не сам себе человек судьбу выбирает.

Егорка, смущаясь, достал из сумки краюху хлеба и кусок сала.

– Ты, может, дядя, голодный? На, возьми.

Мужик принял из рук мальчика еду. Через несколько минут он блаженно откинулся на спину, положив под голову торбу.

– Спаси тебя Христос, – ласково обратился он к Егорке. – Уважил дядю Акинфия, а то, признаться, с утра крохи во рту не было. А как звать тебя, паренек?

– Егоркой кличут.

– Егоркой... – многозначительно протянул Акинфий. – А ты, случаем, не стрелецкий ли будешь сын? Есть у меня друг закадычный, сильно ты на него обличьем смахиваешь!

У Егорки захолонуло сердце. Еще когда их семья быстро и без лишнего шума перебралась из Стрелецкой слободы к Спасу-на-Глинищах, бабка Ульяна строго-настроено наказывала мальчику: «Ежели будут тебя пытаться, какого ты роду, не говори, что из стрельцов».

Кто этот человек? По обличью – крестьянин, а на деле, может, боярский шпик?²⁷ И Егорка, отвернувшись от костра, чтобы скрыть краску смущения, пробормотал:

– Из посадских мы...

– Жалко, – заметил Акинфий, – не придется Илью порадовать.

«Шпик! – с ужасом подумал Егорка. – Про Илью знает!..»

Он с трепетом ожидал, что страшный незнакомец будет допрашивать его и дальше, но тот встал, потянулся.

– Никак, светать начинает, – сказал он. – Пойду в город. Я ведь с товаром. – Акинфий вынул из сумки шкурку черно-бурой лисицы, встряхнул ее. – Вот какую красотку удалось зимой добыть. Думаю, у знакомого купца порохом и прочим припасом разживиться.

– Воровским обычаем ходишь, – буркнул Гришуха.

Акинфий небидчиво ответил:

– Поневоле приходится. Ночью улицы рогатками перегорожены, а об эту пору подгородные крестьяне в Москву на торг спешат, стало, и нашему брату, страннику, с ними сподручно пробираться. Спаси вас бог, детки, за хлеб, за соль!

Акинфий в пояс поклонился ребятам и зашагал прочь легким пружинистым шагом. Егорка остался в мучительном раздумье. Кто же это все-таки был? Сыщик или друг брата Ильи? Мальчику хотелось догнать Акинфия, откровенно поговорить с ним, но коренастая фигура мужика уже растаяла в предутреннем сумраке.

Заря разгоралась. Первыми из темноты выступили ближние слободские домики, покосившиеся, с соломенными крышами, со слепыми оконцами, затянутыми бычьими пузырями.²⁸

И вот уже обрисовались в небе купола церквей, завершенные тонкими, чуть видными в рассветном сумраке крестами. На куполах, на крестах шевелились крохотные черные пятнышки: стаи галок пробуждались от сна.

²⁷ Шпик – сыщик.

²⁸ В старину, когда стекло на Руси было слишком дорого, окна затягивали хорошо выскобленными бычьими пузырями; пузыри были полупрозрачны и пропускали в избу слабый свет

Дальше поднимался Кремль с кружевными очертаниями стен, с круглыми и четырехугольными башнями, с причудливыми громадами дворцов и соборов, с Иваном Великим, который величаво возносился в небо, точно охраняя сонный город.

Лениво перекликнувшись друг с другом, в последний раз подали голос ночные сторожа. Далеко слышный в утренней тишине, протрубил рожок пастуха. Москва просыпалась.

Глава VI. Детские забавы

Ребята ехали неспешной рысцой по московским улицам.

Когда строилась Москва, всякий выбирал место, где ему больше нравилось: иной перегораживал поперек улицу, прихватывая ее к своему владению. Прохожие, упершись в тупик, лезли через забор, если во дворе не было злых собак.

Узкие улицы причудливо извивались. Редкая из них была вымощена бревнами или досками. При езде по такой «мостовой» в боярской ли карете или в крестьянской телеге тряска была невыносимой. В сухую погоду в воздухе носились тучи пыли, а после дождей улицы покрывала невылазная грязь.

Строения обычно возводились посреди двора, подальше от «лихого глаза», а улица тянулась посреди потемневших заборов и частоколов.

Под заборами валялись худые щетинистые свиньи, в кучах навоза рылись куры, собаки собирались стаями, опасными в ночное время...

С товарищами Егорка и Ванюшка распростились на Маросейке. Здесь они жили в дальнем конце Горшечного переулка, в приходе Спаса-на-Глинищах.

У Марковых своего коня не было: Егорка ездил в ночное просто за компанию. Паренек слез с тюгинской лошади и вскочил позади Ванюшки на спину ракитинского коня.

– В войну сегодня будем играть? – озабоченно спросил Ванюшка.

– Беспременно будем.

– Егорка, а Егорка! Я, как поем, к тебе приду.

– Приходи...

Дворы Марковых и Ракитиных стояли рядом. У Ракитиных дом был поприматее: чувствовалась заботливая мужская рука.

Вдова Аграфена Маркова владела убогим домиком с соломенной крышей; на дворе стояли амбарушка да крохотная банька, бродили куры, паслась коза. Немудреное было владение, но и за то Марковы денно и нощно не уставали благодарить бога.

Добрый сосед сапожник Семен Ракитин принимал в сиротской семье самое живое участие. А Егорка Марков и Ванюшка Ракитин дружили так, что водой не разольешь.

Было еще очень рано, когда Егорка вернулся из ночного, но мать и бабушка уже встали. Ульяна сидела за прялкой, круглолицая русоволосая Аграфена возилась у печки.

На скрип двери Аграфена радостно обернулась.

– Пришел, мой голубчик? Не обидели в ночном лихие люди?

– Ой, мамка, – взволнованно заговорил Егорка, – что было! Подсел к нашему костру какой-то дядька и давай выпрашивать, как меня зовут, и какого я роду...

Мать и бабка ахнули.

– Святители-угодники московские! И для чего же это ему зандобилось?

– А кто его знает!

– И что ты сказал? – строго спросила Ульяна Андреевна.

– Как ты наказывала... Посадским назвался.

Бабка облегченно вздохнула.

– Испужался небось? – озабоченно молвила мать.

– Испужаешься!.. Он еще потом говорит: «Жалко, говорит, что не стрелецкий ты сын, не придется, говорит, дружка Илью порадовать...»

Аграфену так и кольнуло в сердце.

– Ох, что ж ты наделал, болезный мой! Может, это и вправду Илюшин дружок был и мог поведать, где сыночек мой бесталанную головушку приклонил.

– Ну, развесила уши! – сурово перебила старуха. – Илюшин дружок! Верь больше, они всякого наплетут, абы мальчика обмануть.

Все, вздыхая, сели за стол. Ульяна Андреевна достала из печи щи, разрешила каравай хлеба. Ели чинно, опуская в чашку деревянные ложки в очередь, друг за другом.

В горницу ворвался запыхавшийся Ванюшка Ракитин:

– Егорка! Али еще не поел?

Старуха удивилась:

– Эк, родной, соскучился! Давно не видались?

– Ой, бабушка Ульяна, надо арбалеты²⁹ готовить, войско собирать! Кирюшка-попович уж своих учит в Березовом овраге!

Егорка бросил ложку, рванулся из-за стола. Бабушка едва успела ухватить его за холщовую рубаху:

– Куда ты, дурной? Доешь хоть шти-то! Да еще каша будет!

– Наелся, бабушка, не хочу!

Ульяна напустилась на Ванюшку:

– Ух ты, греховодник! Поесть парнишке не дал!

Ванюшка на всякий случай отступил к двери:

– Пойдешь, Егорка, аль нет?

– Я... не знаю... Как мамка... Мамка, можно?

– Иди ужо, баловник! Да смотри, чтоб не застрелили на войне...

Егорка, не дослушав, выбежал из избы.

Аграфена вздыхала: объяснение свекрови не утешило ее. Мать вспоминала Илью, ей казалось – вот-вот распахнется дверь, и он войдет, высокий, сильный.

Семен Ракитин сидел на низенькой табуретке и держал в коленях сапог. Вытаскивая из рта деревянные гвоздики-колочки, он неуловимо быстрыми движениями вколачивал их в заранее наколотые дырки.

Черные с проседью волосы Ракитин а были схвачены ремешком, чтобы не лезли в глаза. Широкое лицо носило следы оспы, от которой в детстве Семен чуть не умер. Бороду Ракитин брил, хоть и бранили его за это соседские старики и старухи.

Ракитин отвечал им:

– Зачем пустые разговоры? Не хочу с царем ссоры! Борода не кормит, не греет, от нее подбородок преет! Бороду носить – в казну денежки платить!

Ракитин был родом с Севера, из маленького городка Каргополя. Мать его, искусную причитальщицу, нередко издалека вызывали оплакивать покойников. От нее передалась Ракитину способность к складной и бойкой рифмованной речи.

Расположившись в амбарушке у раскрытой двери, сапожник поглядывал на двор, где бродили куры под предводительством важного петуха. На высоком предамбарье трехлетняя Маша мастерила куклу из лоскутков.

По двору, крадучись, пробежали Ванюшка с Егоркой. Ребята пробирались в сарайчик. Там Егорка Марков мастерил деревянные сабли, арбалеты и прочее «вооружение».

– Стой! – гаркнул Ракитин. – Ванюшка, подь сюда!

Ванюшка неохотно, заплетая ногу за ногу, подошел к амбарушке.

Отец приучал его расколачивать деревянным молотком размоченную кожу, набивать каблуки, пришивать заплаты. Ванюшка сапожной работы не любил.

²⁹ Арбалет – старинное оружие: лук, прикрепленный к ложе с прикладом. Из арбалетов можно было стрелять стрелами, пулями, камнями.

– Играть собираешься, а кто работать станет? – спросил Семен сына. – Готовь колки, все вышли.

Ванюшка уселся на порог, не глядя, ковырял ножом березовую чурбашку, а сам ныл:

– Тятк, а тятк! Пусти играть!

– Игра не доводит до добра! – отзывался Семен, бойко постукивая молотком.

– Да тятка же! Отпусти к ребятам!..

– Отпустить не шутка, да осердится Машутка!

– Тятка, да будет тебе! Все смеешься да смеешься...

– Нешто лучше плакать? Ну ладно, вот тебе сказ: наготовишь полную чашку колков – и ступай на все четыре стороны!

Ванюшка ахнул.

– Мне за три дни столько не наготовить! – взмолился он.

– Как хочешь. Мое дело – приказать, твое дело – исполнять. Нам, брат, на чужую милость надеяться не приходится... Своим трудом, Ванюшка, перебиваться надо!

Ванюшка, мрачно сопя, слушал отцовские поучения. Вдруг Егорка тронул его за плечо, и оба сорвались с места.

– Куда? – крикнул отец.

– Я мигом...

Егорка поделился с товарищем мыслью, которая давно бродила в его голове.

Вскоре ребята подошли к амбарушке. Зеленовато-серые Ванюшкины глаза светились лукавым весельем.

– Так смотри, тятка, чашку колков сделаем – играть отпустишь!

– Мое слово – олово! – пробормотал сапожник, держа между губами колки.

Ребята забрали березовые чурбаки, несколько ножей, ремешки, веревочки и разный хлам, назначение которого было понятно только Егорке Маркову.

Часа через три Ванюшка явился в амбарушку. Его пухлое круглое лицо сияло, на гордо вытянутой ладони он держал чашку, доверху наполненную колками. Через его плечо глядел довольный Егорка.

– Вот! – похвалился Ванюшка и так стукнул дном чашки об пол, что из нее брызнули колки.

– Вы, может, украли где? – изумился Семен. – В малое время эдакую прорву разве наготовишь?

– Я саморезку сделал, – скромно сказал Егорка. – Я про нее раньше думал. Она их, как солтому, режет...

– И сама кончики завастривает?

– Сама.

– Ну-ну!.. – Сапожник даже не мог найти слов. – Пойду глядеть вашу работу.

Ракитин долго разглядывал саморезку, где два ножа заостряли край заранее заготовленной дранки, а потом она крошилась на отдельные колочки. Семен вышел из амбарушки в восхищении:

– Всю Москву можно бы колками зашалить! Жалко, товар-то больно дешев... Что ж, ребятки, дело сделали, можете забавляться.

Ванюшка и Егорка побежали собирать «войско».

У мальчишек Горшечного и соседних переулков любимой игрой была война. Разделившись на две большие партии, они воевали весну, лето, осень. Только зима загоняла их, босоногих, в тесные, дымные избы.

Одно войско называлось «свои», другое – «немцы». Егорка был атаманом у «своих», а Ванюшка Ракитин – его есаулом. Атаманом у «немцев» был ловкий и сильный Кирюшка, сын Спасоглинищевского попа, отца Прокопия.

Военные действия велись на большом пустыре, в роще и в овраге, заваленном мусором: прекрасная местность для засад и внезапных нападений; побежденным было куда убежать и прятаться.

Битвы шли с переменным успехом. Но однажды в войске «своих» появились искусно сделанные арбалеты с метким и сильным боем, и «немцы» потерпели сокрушительное поражение. С тех пор военное счастье не оставляло «своих». Кирюшка через послов предложил перемирие и личное свидание командующих армиями.

Штабы «своих» и «немцев» собрались около огромного полусгнившего дубового пня.

– Не по чести делаете, – заявил высокий кудрявый Кирюшка. – У вас арбалетный бой, а у нас простые самострелы с камышовыми стрелками. Разве нам супротив вас выстоять?

– Заведите и вы себе арбалетный бой! – насмешливо посоветовал есаул Ванюшка, выковыривая босой ногой труху из пня.

– Где же нам его завести? Кабы у нас был мастер, как Егорка... Куда нам податься?

– Что ж, – выступил вперед Егорка, – я и вам арбалеты смастерю. Будем по чести воевать.

– Правда? – обрадовался Кирюшка и крепко пожал Егоркину руку. – Вот друг!

Перемирие продолжалось, пока Егорка не снабдил оружием и противную сторону. Тогда война возобновилась и вновь стала интересной, так как силы противников сравнялись.

В тот день, когда Егорка изобрел саморезку для колков, был назначен в роще генеральный бой; вот почему Ванюшка так усиленно отпрашивался у отца.

«Свои» заняли опушку рощи, а «немцы» залегли в овраге. Оттуда они вылетали с диким ревом и, стреляя на ходу из арбалетов, швыряя палками и камнями, во весь дух понеслись к роще.

Егорка и его «воины» ждали затаив дыхание, с побелевшими лицами и трясущимися от нетерпения руками. Когда «враги» были близко, Ванюшка выдохнул:

– Пали!

Грянул залп.

Среди «немцев» произошло замешательство. Некоторые повернули назад, а Кирилл, бежавший во главе своего войска, повалился: ему в лоб угодила «пуля» – круглый камешек, пущенный Егоркой из арбалета.

«Свои» выскочили с торжествующим ревом, но быстро затихли: уж очень неподвижно лежал на земле Кирюха...

«Убили!» – пронеслась у всех в голове страшная мысль.

Про войну забыли. «Противники» смешались в кучу, озабоченно столпились около Кирилла. У того на лбу быстро вспухала огромная багровая шишка...

– Оживает! – рассудил обрадованный Ванюшка. – Ежели шишка, так это ничего!

Действительно, Кирюшка вскоре опомнился и встал.

Победа была присуждена «своим». Армии разошлись по домам.

Дома Кириллу был от отца строгий допрос.

– Кто это тебя так отделал? – кричал поп, топая ногами. – Ведь это что такое? Этак и убить недолго! Изувечить недолго! Говори, подлец, кто тебя, не то выпорю!

Но Кирюха и под поркой не выдал товарища.

Бабушка Ульяна узнала о «подвиге» Егорки. Долго бранила внука суровая старуха:

– Ты только подумай, на кого руку поднял! Ведь Кирюшка в церкви часослов читает! Не стыдно тебе, не стыдно?

– Мы ж воевали! – угрюмо отвечал Егорка.

– Управы на тебя нету! Кабы не сбежал наш Илья, быть бы тебе поротому... Худо без мужика в доме!

Впрочем, Егорке и без мужика попало: бабушка отстегала его розгой и решила изломать самопалы и инструменты.

Егорка и Ванюшка, догадавшись о ее намерении, спрятали свое оружие, и бабушка ничего не нашла.

Глава VII. Егор Марков – навигатор

Разговоры о новой школе, ходившие по Москве, не на шутку взбудоражили Егорку Маркова. Его желание учиться возрастало с каждым днем. Когда мать возвращалась с работы, Егорка без конца повторял:

– Мамка, хочу в школу! Мамка, буду учиться!

Бабушка прикрикивала на мальчика:

– Что выдумал?! Где нашему брату учиться? Учатся боярские да поповские дети. Они паньчи, им грамота надобна. А тебе зачем? Землю пахать аль в кузне молотком стучать – это и без грамоты можно.

Егорка упрямо продолжал тянуть:

– Мамка! Отдай в школу! Отдай... Ну что тебе?

– Ах ты, Егорушка! – вздыхала мать. – Разве из нашего звания в школу принимают?

– Да вон Кирюху-то намедни³⁰ приняли!

– Глупый, он же поповский сын!

– Ты попроси, примут и меня.

– Хочешь, я тебя к дьячку отдам? Псалтырю и церковному четью-петью обучишься.

– Не пойду к дьячку! В Навигацкую хочу! Там цифирь показывают.

Аграфена сдалась, начала хлопотать. Она расспрашивала в тех домах, куда была вхожа, как устроить сына в школу. Все направляли ее к боярину Головину, которого царский указ поставил во главе школы.

Преодолев все препятствия, Аграфена добилась, что ее впустили к боярину.

Федор Алексеевич сидел в своей рабочей комнате. На столе лежали образцы учебников и учебных пособий: циркули, линейки, треугольники...

Аграфена почтительно остановилась у порога. Обернувшись, Федор Алексеевич увидел незнакомую женщину. Та бухнулась ему в ноги.

– Чего тебе?

– Батюшка-боярин, будь отцом милостивым!.. На тебя вся надежда, батюшка... Облагодетельствуй!

– Говори толком, чего надобно!

– Определи моего сынка в Навигацкую школу!

– Вот оно что! Какого звания?

– Стрелецкая вдова, батюшка! – ляпнула Аграфена, забыв о наказах свекрови.

– Что?! – Боярин встал, нахмурил брови. – Да как же тебя, баба, не выселили из Москвы по царскому указу?

Лицо Аграфены запылало от смущения. Заикаясь, она объяснила боярину, почему ее семье разрешили остаться в Москве. У бабы хватило догадливости ни слова не сказать о службе Ильи в мятежном полку.

Боярин остыл.

– А, это другое дело. Что ж? По царскому указу велено всякого чина людей принимать.

Аграфена осмелела.

– Мальчонка-то больно просится в школу. Он у меня к учению шибко востер, уж так востер...

– Востер, говоришь?

– Востер, батюшка. Ко всякому мастерству сызмальства способен. Самопалов таких понаделал. Намедни поповскому сыну чуть голову не сшиб.

³⁰ Намедни – недавно.

Федор Алексеевич заинтересовался:

– Самопалы? А кто же его учил делать?

– Да никто. Сам, батюшка, дошел, своим умом...

– Вот как?! – Боярин захохотал. – Ишь, вояка! Поповичу, говоришь, голову прошиб? Нам вояки добрые надобны! Ладно, баба, ин быть твоему сыну в школе! Поручители есть?

– Какие поручители, батюшка-боярин?

– Что твой сын из школы не утечет, коли трудно покажется.

– Найду, милостивец!

– Да, еще вот: прошение надо подать.

– А как его, батюшка-боярин, пишут?

– Буду рассказывать! Пойди в мою канцелярию!

Подьячий за два алтына написал Аграфене прошение по заведенной форме.

«Державнейший Государь, Царь Всемилостивейший, Петр Алексеевич, желаю я, нижеподписавшийся, Егор, Константинов сын, Марков, вступить в Математическую навигацких наук школу, а по твоему, Государь, указу, велено в той школу набрать всякого звания людей потребное число. И покорно прошу я, Всемилостивейший Государь, повели меня к той школе приписать. А от роду мне, Маркову, двенадцать лет.

Вашего Величества низжайший раб посадский сын Егор Марков, а за него по неграмотности руку приложил Емельян Седов.

Августа 23 числа 1701 года»

Аграфена вернулась домой сияющая. Через несколько дней она принесла в канцелярию Головина поручительство двух дворян, что Егор Марков «без указа великого государя с Москвы не съедет и от школы не отстанет».

В начале сентября 1701 года Егор Марков получил предписание явиться в Навигацкую школу, куда его зачислили учеником «русской школы» и ввиду бедности его матери определили корм на первое время по алтыну в день.

Глава VIII. Первые шаги

Егор Марков, в новых сапогах, в новой рубахе, с волосами, обильно смазанными коровьим маслом, явился с матерью в школу в первый раз.

Аграфена расспросила школьного сторожа, куда свести Егорку, и робко вошла в класс. Ученики возрастом от двенадцати до двадцати пяти лет шумно рассаживались за столами. Густо побагровевший Егорка стал у двери, а Аграфена, тоже сильно робея, приблизилась к учительскому столу, на котором лежали несколько книжек, пучок розог и линейка.

– Новичка привели! О-го-го! Новичок! – раздались возгласы учеников.

Учитель Федор Иванович был низенький человек с маленькими серыми глазами, бритый, в потертом кафтане, в растрепанном паричке. Он хлопнул линейкой по столу:

– Молчать!

– К вашей милости, – низко поклонилась Аграфена.

По обычаю, она принесла учителю горшок с кашей и пирог.

Учитель поставил на стол приношение.

– Как звать?

– Марков... Егорка...

– Марков Егор! Подойди!

Трепещущий Егорка подошел.

– Хочешь учиться?

– Хочу, – прошептал Егорка.

– Ох, хочет, батюшка, хочет! – подхватила Аграфена. – Уж так меня молил, чтоб хлопотала я за него...

– Ладно! – сказал учитель. – Иди, баба!

Аграфена с поклоном ушла.

– Марков Егор! Садись вот здесь, впереди!

Егорку посадили с недорослем³¹ Ильей Тарелкиным и сыном дьяка Трифоном Бахуровым. На трех учеников был один букварь.

Учитель отошел от Егорки, сел за стол и стал без церемонии есть принесенный пирог. Ученики твердили заданные уроки. Класс походил на огромный жужжащий улей.

Лохматый детина огромного роста, с длинными черными усами долбил молитвы.

Другой, заткнув уши пальцами и раскачиваясь, читал нараспев, как дьячок:

– «Хвалите бога человеку всяку, долг учиться письмен словес знаку. Учением бо благо разумеет, в царство небесное со святыми успеет...»

Третий толкал товарищей в бока и в спину кулаком, а когда те сердито оборачивались к нему, он делал невинное лицо и с показным усердием твердил:

– Буки-аз – ба, веди-аз – ва, глаголь-аз – га...

Учитель, прислушавшись к равномерному деловому гулу класса, подошел к первому столу, вырвал из рук Ильи Тарелкина засаленный букварь и дважды черкнул твердым ногтем по первой странице. Швырнув книжку перед оробевшим Егоркой, он сказал: «От сих и до сих!» – потом преспокойно отошел к кафедре.

Егорка остолбенело взглянул на страницу, ничего не понимая. Красноглазый Илюшка, с белыми, как лен, волосами, выдернул у него букварь из рук. Егорка внимательно слушал обрывки фраз, которые доносились к нему со всех сторон.

После обеденного отдыха учитель подошел к Егорке:

³¹ Недорослями при Петре I и позднее называли дворянских детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста. Впоследствии это слово приобрело ироническое значение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.